

МАЙ

РАДУГА

1860.

ЖУРНАЛ УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ВЪ ФЕОДОСИИ, ПРИ АРМЯНСКОМЪ ХАЛИБОВСКОМЪ УЧИЛИЩѢ

на языкахъ: армянскомъ, русскомъ и французскомъ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО.

Подписка принимается: въ Феодосии — въ конторѣ типографіи армян. халиб. училища, въ Тифлісѣ у г. Р. Надирова, въ Константинополѣ у г. С. Энгюзельяна.

№ 5.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА:

За годъ	8 р. сер.	съ перес.
Одной армянской части	6 . . .	
Одной русской съ французскою	4 . . .	

Содержание: Армянский епископъ Николай и ариане въ Польшѣ. — Чобавъ: Разсказъ изъ быта горскихъ татаръ въ Крыму. — Внутренний извѣстія. — Обозрѣніе главнейшихъ событий вицѣвшей политики. — Сіасъ: Извѣстіе о работахъ по московско-феодосійской желѣзной дорогѣ. — Fermeture du collège national arménien de Paris.

АРМЯНСКІЙ ЕПИСКОПЪ НИКОЛАЙ

и
АРМЯНЕ ВЪ ПОЛЬШѢ.

(Переводъ съ армянскаго)

Въ концѣ XIV в., въ тяжкую эпоху для Армении, называемую обыкновенно у ся историковъ временемъ анархіи, на страницы истории этой страны — истории страшной и печальной — занесено много несчастныхъ, но весьма важныхъ и замѣчательныхъ событий, событий, которыхъ причинили различныя бѣдствія армянамъ, заставляли ихъ искать убежища въ чужеземныхъ странахъ и

довели наконецъ до того, что они, охладѣвъ ко всему родному, почти совершенно утратили свою изродность и сдѣлались народомъ ничтожнымъ и вполнѣ достойнымъ сожалѣнія.

Армяне, погибая подъ развалинами Арmeniis, утѣшали себя покрайней мѣрѣ тѣмъ (если только это можно назвать утѣшеніемъ) что земля и песокъ, которые покроютъ ихъ прахъ, были облиты

любезною, уважаемою ими кровью и слезами ихъ праотцевъ. Кроме того, кто знаетъ, быть можетъ, испуская послѣднее дыханіе въ чистомъ и животворномъ воздухѣ Армениі, они подкрѣпляли себя и тою надеждою, что подобно тому, какъ бессмертный душа ихъ нѣкогда будутъ блаженствовать въ грядущей, вѣчной жизни, такъ и наступить время, когда тѣла ихъ возстанутъ изъ-подъ благодатной земли Армениі и можетъ быть самыя развалины ея когда-либо обновятся. Но тѣ изъ армянъ, которые разѣльялись въ чужеземныхъ странахъ, лишены были даже и этого утѣшенія. Тяжело и прискорбно было имъ оставлять свои родные города и села. Обливаясь горькими слезами, они ободряли другъ друга и говорили: «Куда-бы мы не переселились, все таки мы армяне; вездѣ и всегда быть имъ зависѣть отъ насть самихъ. Поэтому, да не разлучаемся другъ отъ друга, не будемъ имѣть сношеній съ чужестранцами, не отступимъ отъ нашей святой вѣры, не забудемъ богатаго и благозвучнаго языка нашихъ предковъ, не послѣдуемъ неприятнымъ обычаямъ чужеземцевъ,— и тогда, поистинѣ, каждая страна обратится для насть въ Арменио.» Съ этими словами, священнослужители и народъ брали евангелія, образа, кресты и другія принадлежности церковныя, которыя считали они какъ-бы охранителями своей народности, и подходили крестнымъ ходомъ ко всѣмъ церквамъ, желая въ послѣдній разъ, при единодушномъ моленіи Господу Богу, испросить Его благословенія и защиты въ своеемъ странничествѣ. Съ радостію, прижимая къ груди священныя книги свои, которая замѣняли имъ сердце, духъ и языкъ ихъ предковъ и поученія которыхъ воодушевляли ихъ и придавали имъ болѣе энергіи къ перенесенію всякихъ утихетій и несчастій въ странничествѣ и неволѣ, они, подобно стаямъ перелетныхъ птицъ,— массами покидали свое отечество и переселялись частію въ Россію, Турцию, Персию, Грузію, Туркменію, частію въ Польшу, Венгрию, Молдавію, Италию, Голландію и даже въ Индію. Но, увы! какъ говорить Егише: (*) «пролетѣли многіе годы, прошло много зімъ, множество ласточекъ и журавлей вновь прилетѣло въ Арменио, но странствующіе сны сяя болѣе уже не показывались туда...»

(*) Одна изъ армянскихъ историковъ V ст. Его «Исторія» переведена по-русски г. Шашевымъ и напечатана въ Тифлісѣ въ 1853 г.

Но тутъ невольно рождается вопросъ — утвердились-ли эти армяне, покинувшіе родину, во вновь заселенныхъ ими мѣстахъ? Обратились-ли эти мѣста для нихъ въ Арменио, какъ они предполагали? Сохранили они и тамъ вѣру и языкъ своихъ предковъ? Для решенія этихъ вопросовъ, просимъ читателей — армянъ перепесстись на время въ каждую изъ этихъ странъ, и тамъ на досугѣ вступить въ разговоръ съ единовѣрцами своими. Предупреждаемъ васъ заранѣе, если вы будете въ Турции, то говорите съ армянами не иначе какъ по-турецки, желая получить отъ нихъ отвѣтъ; въ Россіи — говорите по-русски, въ Польшѣ — по-польски, въ Индіи — по-англійски и т. д.

Если же вы не знаете этихъ языковъ, то возвратитесь въ свое отечество, и тамъ, на папертахъ церковныхъ, вы увидите множество изящныхъ мраморныхъ гробницъ, на которыхъ изѣчены повсюду подобного рода надписи: — «Здѣсь покоятся прахъ такою-то»

Эти надписи сохранившись на родномъ армянскомъ языке — и вы ихъ несомнѣнно поймете.

Но какая могла быть причина тому, что эти переселенцы — армяне утратили свою народность? Не добровольное-ли сближеніе и знакомство ихъ съ чужестранцами? Нѣтъ! Главною причиной этому послужило, особенно въ Польшѣ и Венгрии, гдѣ народность армянъ нынѣ утрачена совершенно,— отступничество отъ родной вѣры и обращеніе ихъ къ католицизму. Если на это нужно доказательство, то мы укажемъ на польскихъ армянъ, жителей города Сучавы, которые одни только и сохранили свою народность, потому что остались армяно-грегоріанами. Всѣ же другие сдѣлались католиками, и следовательно — искоренителями и врагами своей народности. Нѣтъ сомнѣнія, что такая горестная участъ цѣлаго народа, для патріота и для здравомыслящаго человѣка представляется большимъ несчастіемъ; но несчастіе это, можетъ быть, было-бы не такъ поразительно, если-бы никто не былъ его виновникомъ. Какой могъ-быть ущербъ для народа, если бы иѣсколько человѣкъ изъ армянъ, добровольно, по своему желанію обратились въ католиковъ? Ясно, что нація отъ этого ничего не потеряла бы. Но дѣло въ томъ, что армяне въ Польшѣ не сами добровольно отреклись отъ своей вѣры;

ские армяне исковеркали свой природной языкъ! Тогда богатый классъ народа и старшины большою частю уже говорили по-польски, а употребительный языкъ средняго и низшаго классовъ былъ татарскій, на который переведены были у нихъ съ ариянскаго даже некоторые церковныя книги, какъ псалтырь, часословъ и другія. Такій образомъ, переставъ говорить на родномъ языкѣ, они скоро перестали исповѣдывать и вѣру своихъ предковъ. Потеря языка была для армянъ какъ-бы предвозвѣстницею утраты ихъ народности и наступленія для нихъ тяжкой смертоносной болѣзни. А съ потерю вѣры праотцевъ — престъклось и послѣднее существование армянской народности въ Польшѣ. Эта печальная, предсмертная минута национальности польскихъ армянъ продолжалась довольно долго, пока наконецъ недостойный епископъ Николай не панесъ ей послѣдний ударъ. Католикосъ Мелкисетъ, съ одной стороны не будучи въ состояніи равнодушно смотрѣть на тѣ притѣсненія и грабежи, какія были причинены Шахъ-Аббасомъ эчмїадзинскому престолу, а съ другой—будучи не въ силахъ противиться взысканіямъ заимодавцевъ, (*) передалъ патріаршество двоюродному брату своему, а самъ въ 1624 году скрылся въ Эрзрумъ, а оттуда уѣхалъ въ Константинополь. Константинопольскіе армяне, зная недостойные и несправедливые поступки Мелкисета въ Арmenіи, зная о тѣхъ притѣсненіяхъ, какія онъ дѣлалъ многимъ достойнымъ священнослужителямъ, тогда какъ въ тоже время недостойныемъ онъ оказывалъ большія поблажки и давалъ имъ почетныя мѣста, сдѣлали ему весьма дурной приемъ и объявили, что не желаютъ видѣть его въ своемъ городѣ. Почему Мелкисетъ принужденъ былъ отправиться въ Польшу, въ городъ Львовъ. Тамошніе армяне, не вѣдая о личныхъ недостаткахъ бывшаго католикоса, съ радостью и большимъ торжествомъ приняли его у себя, какъ своего законачаго патріарха и преемника престола святаго просвѣтителя Григорія. Іеромонахъ Николай Тарасовичъ, человѣкъ честолюбивый, лукавый и строптивый, успѣлъ пріобрѣсть довѣре

католикоса Мелкисета и склонить на свою сторону многихъ армянъ, желая съ помощью ихъ сдѣлаться епархиальнымъ начальникомъ города Львова, на мѣсто скончавшагося въ то время архіепископа Месропа. Онъ скоро и успѣлъ въ этомъ.

Николай Тарасовичъ родился въ 1605 году, въ г. Львовѣ. Еще въ молодости онъ поѣхалъ въ Константинополь, гдѣ и былъ посвященъ въ протодіакона. Священники и старшины, узнавъ о памѣреніи Николая и о предстоящей опасности народной церкви, объявили католикосу Мелкисету, что они рѣшительно не хотятъ имѣть начальникомъ епархіи Николая, что за образъ жизни своей и дурное поведеніе онъ заслуживаетъ напротивъ быть лишеннымъ и священнослужительского сана. Но Мелкисетъ не видалъ этимъ жалобамъ и протесту паствы. Всѣдѣствие чего общество сильно возмущалось и высказало свое неудовольствіе на рѣшеніе Мелкисета. «Постановленіями церковными — говорили ему польскіе армяне — воспрещается избирать епископовъ противъ желанія общества; мы имѣемъ въ виду другаго, болѣе достойнаго человѣка — посвятіи его» кричали они — «мы не хотимъ признавать твоего Николая.» Мелкисетъ, встрѣтивъ такое упорство общества, въ одну ночь, тайно поѣхалъ вмѣстѣ съ іеромонахомъ Николаемъ въ монастырь Богородицы, находящійся неподалеку отъ города, и тамъ посвятилъ его въ епископы. Одинъ изъ іеромонаховъ монастыря извѣстилъ объ этомъ общество, которое тотчасъ же поспѣшило на мѣсто. Пріѣхавшіе произвели большой шумъ, въ надеждѣ помѣшать посвященію; но когда они узнали, что Мелкисетъ окончилъ уже обрядъ посвященія надъ Николаемъ, то съ сильнымъ негодованіемъ и грустью возвратились въ городъ.

Всегдашнее, безусловное повиновеніе нашего народа своимъ священнослужителямъ и вообще всемъ духовнымъ особамъ поистинѣ достойно удивленія. Это повиновеніе служило поводомъ, для недостойныхъ и несправедливыхъ паstryrenачальниковъ, къ притѣсненію прихожанъ. Кротость и терпѣніе народа часто увеличивали подобные недостойные и несправедливые поступки епископовъ, не служа, конечно, никакъ оправданіемъ для послѣднихъ. Мелкисетъ былъ одинъ изъ тѣхъ начальниковъ епархіи, которые присвоивали

(*) Персидское правительство во время Шахъ-Аббаса облагало Эчмїадзинъ огромною, немыслимою данью. Патріархи, не имѣя средствъ удовлетворять требованіямъ шаха, занимали деньги у частныхъ лицъ для этой надобности — и этимъ входили въ неоплатные долги.

себѣ большую власть, и злоупотребляли ею ко вреду народа. Николай, новый епископъ, имъ посвященный, человѣкъ, заслужившій общее презрѣніе въ народѣ избранъ Мелкисетомъ въ пастыреначальники этому народу! Паста пренирала его, убѣгала отъ него и боялась его, какъ волка жаднаго. А самъ Мелкисетъ, между тѣмъ, какъ ни въ чёмъ не бывало, сталъ готовиться къ отѣзду въ Каменецъ. Народъ требовалъ, чтобы онъ взялъ съ собой и Николая. Мелкисетъ обѣщалъ сдѣлать это, надѣясь, хоть на время, водворить этимъ спокойствіе въ львовской пастѣ. Онъ дѣйствительно взялъ съ собою Николая; но, доѣхавъ до половины дороги, вѣрилъ ему управление епархію, поручилъ ему немедленно возвратиться въ Львовъ и вручилъ при этомъ письмо на имя жителей города, въ которомъ между прочимъ было сказано слѣдующее: « да будетъ про克莱ть тотъ, кто не признаетъ епископомъ Николай. » Съ этимъ письмомъ Николай возвратился въ Львовъ, и въ первое воскресеніе въ церкви въ присутствії всѣхъ прихожанъ приказалъ читать письмо католикоса. Содержаніе этого письма и разпоряженіе Мелкисета сильно опечалили народъ; но онъ и на этотъ разъ умолчалъ.

Въ это время, Григорій кессарійскій, лишившись патріаршества константинопольскаго, прибылъ въ Львовъ. Онъ узналъ здѣсь о неудовольствіяхъ и несогласіи, существовавшихъ между пастыреначальникомъ и паствою; но, вместо того, чтобы указать путь къ примиренію и восстановленію мира между ними, онъ принялъ сторону противниковъ Николая. Архіепископъ Николай, узнавши объ этомъ, просилъ мѣстное начальство обѣ удаленіи Григорія кессарійскаго изъ Польши. Получивъ приказъ отъ польскаго правительства удалиться, Григорій немедленно выѣхалъ изъ Львова и прибылъ въ Молдавію. Этотъ поступокъ архіепископа Николая съ Григоріемъ кессарійскимъ еще болѣе раздражилъ священнослужителей и народъ, которые стали отвращаться отъ своего епископа. Они написали письмо къ католикосу Мойсею, въ которомъ изложили положеніе пастыры и просили его о помощи. Католикосъ Мойсей, получивъ письмо, тотчасъ же запретилъ Николаю управлять епархію.

Въ томъ же самомъ 1630 году, онъ назна-

чили отъ себя уполномоченнымъ въ Грецію и Польшу кессарійскаго архімандрита Хачадура, которому приказалъ немедленно, по прибытіи въ Львовъ, разобрать дѣло архіепископа Николая и принять мѣры къ примиренію его съ народомъ. Но Николай не хотѣлъ и слушать о какомъ-либо добровольномъ примиреніи. Чрезъ нѣсколько времени въ церкви между нимъ и архімандритомъ Хачадуромъ возникъ споръ, при чёмъ архімандритъ Хачадуръ, обратясь къ народу, сказалъ: « не признавайте Николая епископомъ своимъ, ибо онъ врагъ вашъ и хочетъ васъ сдѣлать добычею своихъ корыстолюбивыхъ видовъ! » И съ этими словами онъ вышелъ изъ церкви. Всѣдѣ за нимъ вышелъ и пародъ. Старшины (которые назывались тогда попечителями^(*)) заперли церковь, оставили при себѣ ключи, и просили архімандрита Хачадура начать съ архіепископомъ Николаемъ формальный процессъ, чрезъ начальство. Архіепископъ же Николай съ своей стороны употреблялъ всевозможный усилия для избѣжанія этого, и упорно требовалъ возвращенія ключей отъ церкви. Но старшины настояли на своемъ и не отдали ему ключей. Такимъ образомъ два епархіальныхъ начальника (хотя одинъ изъ нихъ считался судьею, а другой подсудимымъ), между которыми возникло теперь несогласіе,—болѣе или менѣе каждый имѣлъ на своей сторонѣ сообщниковъ изъ числа прихожанъ; съдовательно, въ томъ случаѣ, если бы который либо изъ нихъ одержалъ верхъ, то негодованіе и вражда съ обѣихъ сторонъ и тогда бы не могли прекратиться. Тутъ необходимы были еще новые посредники для примиренія враждовавшихъ сторонъ. Но къ несчастію, одинъ изъ главныхъ недостатковъ армянъ заключается въ томъ, что они, при видѣ двухъ поссорившихся, или остаются нѣмыми свидѣтелями ихъ ссоры, или же напротивъ сами усиливаютъ ее.

Въ описанную нами эпоху сообщниками архіепископа Николая были нѣкоторые изъ жителей города Львова, которые поверхностный блескъ тогдашней цивилизациіи европейскихъ народовъ ставили гораздо выше, нежели сохраненіе, собственной народности, имѣвшей нѣкоторые черты, казавшіяся странными въ глазахъ europеїца.

Люди эти не были злонамѣренными, подобно

(*) Հպատական.

Николаю; въ нихъ не было честолюбія и тѣхъ дурныхъ страстей, которыя волновали его; но при всемъ томъ, при слабости своихъ дѣйствій и недостаткѣ энергіи, они сдѣлались сильнымъ орудіемъ и какъ бы охранителями его коварныхъ замысловъ. Когда непріязнь съ обѣихъ сторонъ усилилась и попечители не хотѣли отворять церкви, тогда архієпископъ Николай обратился къ іезуитамъ, могущество которыхъ въ Польшѣ въ то время простиралось повсюду, и даль имъ письменное обѣщаніе—освободить народъ свой изъ подъ власти католикоса всѣхъ армянъ и подчинить его владычеству римскаго первосвященника. Удить рыбу въ мутной водѣ—всегда было дѣломъ іезуитовъ; и потому, не желая даже изслѣдовать причинъ, по которымъ архієпископъ Николай рѣшился самъ стать отступникомъ и повелъ къ отступничеству своихъ единовѣрцевъ, и имѣя одну только цѣль—обращеніе цѣлаго народа въ католичество, они обрадовались случаю, чтобы оказать эту великую услугу римской церкви. Что іезуиты для достиженія своей цѣли считаютъ всѣ средства хорошими — это известно всѣмъ. Такъ они дѣйствовали и въ настоящемъ случаѣ. Они съ радостю повели Николая къ католическому архієпископу Львова и передали ему подробно его предложеніе. Архієпископъ, въ качествѣ истиннаго католика, нашелъ предложеніе это вполнѣ сообразнымъ съ своими собственными мыслями и желаніями. Но поводъ и послѣдствія такого обращенія нѣсколько пугали его; и потому, не желая вмѣшиваться лично въ это щекотливое дѣло, онъ отправилъ ихъ къ начальнику города. Послѣдний прямо приказалъ армянскимъ старшинамъ вручить ключи отъ церкви епископу Николаю, угрожая въ противномъ случаѣ предать ихъ суду. Но, не смотря на это, старшины не исполнили приказанія начальника города. Вследствіе чего дѣло опять перешло на разсмотрѣніе іезуитовъ и другихъ польскихъ монаховъ, которые, хотя и враждовали постоянно другъ противъ друга, но въ настоящемъ случаѣ выгоды римской церкви соединили ихъ въ одинъ неразрывный союзъ. Они пригласили свидѣтелями школьнниковъ съ училищной скамьи, будучи увѣрены въ томъ, что взрослые и смышленные люди не согласятся быть очевидцами такого несправедливаго и на-

глого дѣла — и пошли сначала къ начальнику города, где присоединилось къ нимъ нѣсколько человѣкъ солдатъ, а оттуда отправились прямо къ воротамъ армянской церкви. Найдя церковь запертою, они послали человѣка къ попечителю съ требованіемъ—прислатъ ключи. Попечители отвѣтили: « Церковь эта со всѣми украшеніями ей принадлежитъ намъ; мы построили ее на свой счетъ, по повелѣнію государя; но Николай, котораго вы называете нашимъ епископомъ, не пастырепачальникъ нашъ. Кто вы таковы, и по какому праву требуете отъ насъ ключей? » Но іезуиты только посмѣялись надъ простосердечiemъ этихъ людей. « Несчастные! говорили они: — имъ еще не известно, что мы владѣтели не только этой церкви, но и всѣхъ церквей; и самая римская церковь находится въ нашей власти. Мы не знаемъ неудачи; для насъ нѣть, да и не должно быть запертыхъ дверей; мы принудимъ васъ обратиться въ католиковъ; мы хотимъ, чтобы и дѣти и внуки ваши добровольно исповѣдовали католическую вѣру. Говорить, что Николай злой, несправедливый человѣкъ. Какое до этого намъ дѣло? Мы доволыны имъ, потому что онъ служить орудиемъ для нашихъ цѣлей. Мы признаемъ начальникомъ церкви — здѣшняго епископа нашего, который и эту церковь и самое общество передалъ во власть нашу, какъ намѣстниковъ и служителей папы. Поэтому, кто же осмѣялся помышлять намъ въ этомъ, не винъ въ ереси? Церковь принадлежитъ католикамъ, а еретики не хотятъ дать намъ ключей отъ нея! И такъ разломаемъ дверь и завладѣемъ имуществомъ, хранящимся въ ней. » Съ этими словами, монахи приказали разломать дверь, вошли въ церковь и вѣршили ее со всѣмъ церковнымъ имуществомъ Николаю. А потомъ послали въ городъ людей съ приказаніемъ, не смотря ни на какое званіе, схватить главныхъ противниковъ Николая, заключить ихъ въ тюрьму и наложить на нихъ штрафъ, какъ на бунтовщикъ и непокорныхъ. Николай сталъ ревностнымъ представителемъ католицизма, постепенно вкоренявшагося въ армянахъ прописками и стараниями іезуитовъ и недостойныхъ послѣдователей ихъ. О, несчатные апійцы! Когда вы, для избѣженія жестокостей и тиранства

Алъ-Арслана и Чармагана (*) собирались покинуть свое отечество и переселиться въ христіанскую землю, и наконецъ когда исполнили это намѣреніе свое, поселившись въ деревняхъ и городахъ Польши, приходило-ли вамъ на мысль, что итѣкогда ваши внуки будутъ изгнаны изъ построенныхъ и великолѣпно убранныхъ вами и ими самими церквей, и названы будутъ отступниками святой вѣры? И за что? За то именно, что оставались вѣрными религіи праотцевъ.

Думали-ли вы, что они забудутъ языкъ, который вы любили, и на которомъ вы изъяснялись, и наконецъ дойдутъ до того, что будутъ стыдится называть себя армянами?

Съ этого времени Николай, подъ покрови-

(*) Алъ-Арсланъ, предводитель турковъ-сельджуковъ, и Чамарданъ, одинъ изъ полководцевъ Чингиза, производили страшные опустошения въ Армении въ XI и XIII в.

тельствомъ іезуитовъ, утвердилъ свое господство надъ армянами въ Галиціи, овладѣль золотыми и серебряными уборами церковными, великоколѣпными золотыми ризами, святыми мощами, окованными серебромъ и золотомъ, болѣе нежели тысячу рукописей, оставшихся со временемъ царей нашихъ и многими изящными памятниками, перенесенными еще изъ Армении. Онъ скоро завладѣль и другими армянскими церквами и монастырями въ этой странѣ — и народъ остался безъ храмовъ божіихъ! Только тѣ, кому известны набожность народа армянского, могутъ судить до какой степени тогда скорбь, отчаяніе, сътowanie овладѣли ихъ сердцами! Они остались подобно стаду безъ пастира, не зная куда идти, на что рѣшиться.

(Продолж. слѣд.)

Ч О Б А Н Ъ . (*)

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ БЫТА ГОРСКИХЪ ТАТАРЪ ВЪ КРЫМУ.

Древній обычай — похищать невѣстъ, существовавшій у многихъ восточныхъ народовъ, сохраняется и понынѣ между крымскими татарами, и случаи похищений невѣстъ повторяются у нихъ довольно часто. Одинъ изъ такихъ случаевъ послужилъ основаниемъ предлагаемаго разсказа. Главная причина, почему этотъ обычай держится между татарами до сихъ-поръ это — большой выкупъ, требуемый обыкновенно родителями за своихъ дочерей, при отдаче ихъ въ замужество. Женильба для татарина бываетъ иногда сущимъ разореніемъ. Иной молодой парень, задумавъ жениться и не имѣя отцовскаго состоянія, паникается въ рабочіе и служитъ часто по нѣсколько лѣтъ, чтобы заработать только известную сумму денегъ и купить себѣ невѣсту. По мимо этой главной причины, бываютъ конечно и другие случаи, когда не только бѣдняки, но и зажиточные татары рѣшаются выкрадывать себѣ невѣстъ. — Своей замѣткой мы хотѣли только указать, что древній обычай — похищать невѣстъ су-

ществуетъ по настоящее время у крымскихъ татаръ и довольно распространенъ между ними. Остатки этого старого обычая сохраняются не у однихъ только татаръ, но и у некоторыхъ другихъ восточныхъ народовъ. Армяне, жители областей Ширака и Абарана (провинцій турецкой и русской части Армении въ карскомъ пашалыкѣ и въ уѣздахъ эриванскомъ и эчміадзинскомъ) выдавая замужъ своихъ дочерей, требуютъ тоже отъ женщиковъ выкупа за нихъ. Выкупъ этотъ называется башлыхъ. Ясно, что такой обычай перешелъ къ армянамъ отъ татаръ или турокъ. И у армянъ этихъ областей тоже случается, что женщины, будучи иной разъ не въ состояніи уплатить требуемыхъ родителями невѣсты денегъ, — увозятъ своихъ невѣстъ и такимъ образомъ обвинчиваются съ ними. Духовенство армянское увѣщающими своими дѣйствуетъ постоянно на народъ, для искорененія въ немъ этого вреднаго обычая.

(*) Чобанъ — пастухъ овецъ. Въ Новороссийскомъ краѣ и въ Бессарабіи повсемѣстно этихъ пастуховъ называютъ чабанами. Горскіе пастухи въ Крыму проводятъ большую часть года одни, въ горахъ вдали отъ деревень, — и нравами своими отличаются во многомъ отъ пастуховъ другихъ мѣстъ.

жениться, хотя и жаль ему было разставаться съ беззаботною жизнью чобана. «Но не вѣкъ-же миѣ быть чобаномъ — думалъ онъ. Жениться когда нибудь да надо. И если я не потороплюсь, то ее сосватастъ другой. А ужъ если надо кинуть чабанскую жизнь, то только для черноокой Селиме!» Халиль рѣшился — и посватался.

Мусульмана, мать Селиме, была этому очень рада, и сейчасъ-же согласилась. Въ это время умеръ ея дадя, оставилъ ей небольшой садъ; она его продала, завела корову. Халиль, въ качествѣ жениха Селиме, купилъ имъ домикъ и они стали жить спокойно, не нуждаясь ни въ чемъ, и считались даже довольно зажиточными людьми въ своей деревнѣ.

Обыкновенно дѣвушки у горскихъ татаръ скрываются отъ мужчинъ; ихъ только можно встрѣтить въ то время, когда онъ ходятъ за водою, къ фонтану или во время байрама, когда все они собираются и устраиваютъ пляски на плоскихъ крышахъ своихъ домовъ. Но говорить съ мужчинами — обычай строгого воспрещаетъ дѣвушкамъ; даже невѣсты не смѣютъ заговаривать съ своими женихами. Но какъ только въ какомъ-либо домѣ есть невѣста, то одинъ изъ угловъ главной комнаты запавѣщивается обыкновенно ковромъ или другою какою-либо запавѣской, за которой скрывается невѣста, пока

женихъ не позоветъ ее, и не начнетъ съ нею говорить. Женихъ приходитъ въ домъ родителей своей невѣсты только вечеромъ, послѣ захода солнца; днемъ-же онъ не только входить, но даже проходить мимо дома своей невѣсты не долженъ, вѣрою потому, что въ продолженіи дня мужчины рѣдко бываютъ дома. Это общий мусульманскій обычай, требующій, чтобы женщины скрывали себя отъ взоровъ мужчинъ. Но онъ не такъ строго соблюдается крымскими татарами. Когда молодые, женихъ и невѣста, любятъ другъ друга, когда свадьба ихъ устраивается не по одному только желанію родителей, что впрочемъ чаще всего бываетъ; то случается нерѣдко, что молодые видятся тайкомъ, устраиваютъ свои свиданія гдѣ-либо въ саду, подъ дома, у тѣнистыхъ ореховъ, куда бы не могъ проникнуть строгій глазъ стариковъ — отца или матери. Селиме очень стыдилась своего жениха и долго не рѣшалась выходить къ нему; а если и выходила, то боялась глядѣть на него, и только посматривала на Халиля украдкой, когда онъ этого не могъ замѣтить. Но мало по малу, она къ нему привыкла, стала съ нимъ разговаривать, хотя всакій разъ, когда онъ глядѣть на нее, — у нея все еще не становило рѣшимости поднять на него глаза.

(До следующ. №)

В Н У Т Р Е Н Н І Я И З В Ъ С Т І Я.

Согласно съ мнѣніемъ Государственнаго Совета, Высочайше повелѣно 22 марта:

1) Остава основную серебряную монету: рубль и крупныя его подраздѣленія — полтиники и четвертаки, безъ всякаго измѣненія въ пробѣ и вѣсѣ, выпустить новую серебряную размѣнную монету, 20, 15, 10 и 5-ти копеечники, семдесятъ-второй пробы, съ пониженіемъ внутренняго достоинства сей монеты на пятнадцать процентовъ противъ нарицательной ея цѣны.

2) Новой серебряной размѣнной монеты выпустить, по прилагаемымъ у сего, Нами утвержденнымъ рисункамъ, на первый разъ, 6 миллионовъ р. сер., съ тѣмъ, чтобы о каждомъ новомъ выпуске, еслибы въ послѣдствіи встрѣтилась надобность увеличить количество такой монеты, министръ финансовъ входилъ, по установленному порядку, съ особымъ представлениемъ въ Государственный Советъ.

3) Обязательный приемъ означенной монеты, при платежахъ между частными лицами, ограничить тремя рублями при каждомъ платежѣ, но на уѣздныя казначейства сего ограниченія не распространять, съ тѣмъ, чтобы при платежахъ податей и другихъ денежныхъ сборовъ, новая монета была принимаема въ казначействахъ, по нарицательной цѣнѣ, на всакую сумму.

— По случаю новаго договора о телеграфныхъ соображеніяхъ, заключенного между Россіею, Австріею и Пруссіею измѣнена плата за депешу по заграницей и внутренней телеграфной корреспонденціи. Внутри имперіи плата по новому положенію взымается съ 20 марта. Постановлено платить за каждый поясъ по 50 коп. за депешу въ 20 словъ и увеличивать за каждыя новые десять словъ по 25 копеекъ. Представляемъ здѣсь

сударства линія железнай дороги къ Черному морю составляетъ жизненный вопросъ, господствующій надъ всѣми другими соображеніями о путахъ сообщенія настоящаго времени. Мы должны обратить все свое вниманіе на эту линію, требовать главнаго усиленія работъ въ ея направлениі, и заранѣе удалять все то, что можетъ служить предлогомъ или причиной остановки или прекращенія тамъ работы. Въ этомъ смыслѣ мелочи должны быть устраниены и отброшены изъ соображеній.»

FERMETURE DU COLLÈGE NATIONAL ARMÉNIEN DE PARIS.
 Les archimandrites, Sarkis Théodore, Gabriel Aivazovsky et Ambroise Calfa, tous trois membres de la Société des Mekhitaristes de Venise, après avoir longtemps dirigé le collège arménien Moorat de Paris, se virent obligés en 1854 de se séparer de la congrégation des Mekhitaristes et de se soumettre à la juridiction du Catholicos d'Etchmiadzine, pour se soustraire aux persécutions incessantes, suscitées contre eux par la cour de Rome à cause de l'esprit national de leur enseignement, qui se trouvait être en contradiction avec la doctrine catholique. Cette même année ils fondèrent à Grenelle (Paris) un autre collège arménien, dirigé dans un sens exclusivement national, c'est-à-dire plus conforme aux dogmes de l'église arméno-grégorienne. Les notables des Arméniens de Constantinople obtinrent du sultan un firman en vertu duquel le gouvernement turc prenait sous sa protection le collège arménien de Grenelle, et demandait par son ambassadeur à Paris au gouvernement français de permettre aux trois archimandrites d'ouvrir et de diriger ce collège. Cette autorisation ne fut accordée qu'en 1857. A cette époque le collège comptait déjà quarante élèves dont la plupart appartenait à des familles arméniennes de Constantinople.

Après le départ de l'un des directeurs, du révérend père Gabriel Aivazovsky, pour la Russie, les deux autres archimandrites restèrent chargés de la direction du collège, qui, grâce à leurs soins, prospéra de plus en plus et s'attira la confiance et la reconnaissance des Arméniens de l'orient. Bientôt après, aux révérends pères Sarkis et Ambroise s'adjointit un autre jeune Mekhitariste, Corène Calfa, frère d'Ambroise Calfa, qui, désireux de partager les travaux des deux premiers et de concourir à l'œuvre entreprise dans le but d'instruire la jeunesse arménienne, se rendit de Venise à Paris, se séparant lui aussi, à cette fin de la société des Mekhitaristes et se soumettant au siège d'Etchmiadzine et accepta les fonctions d'inspecteur des études au collège de Grenelle. Il était auparavant professeur de littérature arménienne à l'académie de St-Lazare à Venise.

Telle était la situation où se trouvait ce collège, lorsque le clergé catholique entreprit de faire usage envers ses antagonistes de ses sombres machinations. On sait que les intrigues et les pièges sont les armes ordinaires et à l'aide desquels il a déjà fait échouer un grand nombre d'entreprises utiles. La même chose se reproduisit ici. Les intrigues de la propagande romaine, les embûches dressées par la partie ultramontaine du clergé de Paris, et surtout la haine qui animait les Mekhitaristes, ainsi que les calomnies répandues par ces derniers, eurent pour résultat d'inspirer aux arméniens de Turquie de la méfiance contre le collège de Grenelle et de placer sous un faux jour l'œuvre des hommes généreux qui s'étaient courageusement voués à l'instruction de leurs coreligionnaires avec tant d'effort et d'activité.

Lors de la fondation du collège, le conseil patriarcal, presque uniquement composé des personnages les plus notables entre les Arméniens de la Turquie, promit aux fondateurs du collège de Grenelle de subvenir à tous les frais de l'établissement. Malgré cette garantie si propre à assurer le succès de l'entreprise, le nombre des élèves, dont les frais d'entretien, s'élevaient pour chacun à la somme de 2,000 francs, diminuait de jour en jour de sorte que les trois archimandrites, chargés de la direction du collège se virent obligés de fermer l'établissement, jusqu'à ce qu'ils eussent d'autres moyens, propres à en assurer l'entretien. Ils soumirent leur détermination au patriarche et au conseil de Constantinople et après avoir obtenu leur consentement ils procédèrent au mois de septembre dernier, à la fermeture de l'établissement après avoir informé le gouvernement français des raisons qui les forçaient à agir de la sorte. M. Rouland, ministre de l'instruction publique et des cultes, envoya à cette occasion une lettre adressée à l'un des directeurs, dans laquelle il disait:

«Je me plais à penser que le collège arménien pourra bientôt reprendre le cours de ses exercices et perpétuer ainsi les bonnes relations qui ont toujours existé entre la France et la nation arménienne.»

Dans la partie arménienne du numéro précédent de notre journal se trouve une pièce de vers de notre collaborateur, le révérend père Corène Calfa, qui habite maintenant Théodosie. Le poète adresse dans ces vers ses adieux à l'établissement de Paris, auquel il avait consacré toute son activité, il adresse également ses adieux à la chapelle arménienne qui se trouvait dans le même établissement et d'où il envoyait vers le ciel des prières ferventes pour ses compatriotes. Le père Corène Calfa est un des jeunes poètes arméniens les plus distingués. Il a traduit en arménien et publié à Paris les Harmonies poétiques de Lamartine.

